

DOI: 10.31857/S013038640014696-3

© 2021 г. **Г.Ф. МАТВЕЕВ**

ПОЛЬША В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ С КОНЦА 1919 до 16 июля 1920 года

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

E-mail: gfmateeev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Аннотация. В конце 1919 г. гражданская война в России, как казалось, близилась к завершению, и руководство РСФСР озаботилось восстановлением промышленности и налаживанием международных экономических отношений, в первую очередь с Великобританией. 5 декабря 1919 г. VII съезд Советов предложил странам Антанты заключить мир, положив тем самым начало политике «мирного наступления» РСФСР. Первыми на это обращение откликнулись республики Прибалтики. 2 февраля 1920 г. Советская Россия подписала мир с Эстонией, начались переговоры с Литвой и Латвией. Лишь Польша не торопилась с ответом, несмотря на прямое обращение к ней НКВД, СНК и ВЦИК и обещание территориальных уступок. Ю. Пилсудский ждал весны. 25 апреля 1920 г. он возобновил наступление, остановленное в октябре 1919 г. Но и после этого Москва, налаживавшая в мае—июне прямые контакты с Лондоном, надеялась на мир с Варшавой. Даже после прорыва Красной армией польского фронта советская сторона не отказывалась от взятого ею курса. Ее политика изменилась после получения 12 июля 1920 г. ноты Д. Керзона о безотлагательном начале мирных переговоров. При обсуждении ответа на нее на пленуме ЦК РКП(б) 16 июля В.И. Ленин неожиданно предложил «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их буржуазии и помещиков». Принимая это решение, Москва тем самым отходила от политики «мирного наступления». Но сделала она это лишь на польском направлении.

Ключевые слова: гражданская война в СССР, внешняя политика, РСФСР, прибалтийские страны, Великобритания, Польша, В.И. Ленин, Ю. Пилсудский, дипломатические переговоры, советизация Польши.

G.F. Matveev

Poland in Soviet Foreign Policy from late 1919 to 16 July 1920

Gennadij Matveev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

The reported study was funded by RFBR and the National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project № 20-59-18007.

E-mail: gfmateeev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Abstract. At the end of 1919, the leadership of the RSFSR was concerned about the restoration of industry and the establishment of international economic relations, primarily with Great Britain.

On December 5, 1919, the 7th Congress of Soviets invited the Entente countries to conclude a peace treaty, thus beginning the policy of “peace offensive” of the RSFSR. The Baltic republics were the first to respond to the appeal. On February 2, 1920, peace was signed with Estonia, and negotiations with Lithuania and Latvia began. Only Poland was in no hurry to respond, despite the direct appeal to it by the People's Commissariat for Foreign Affairs, Council of People's Commissars, and All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) and the promise of territorial concessions. J. Piłsudski was waiting for the spring. On April 25, 1920, he resumed the offensive that had been halted in October 1919. Yet, even after that, Moscow, which established direct contacts with London in May and June, hoped for peace with Warsaw. Even after the Red Army broke through the Polish front, the Soviet side did not abandon its course. Its policy changed after receiving a note from G. Curzon on the immediate commencement of peace negotiations on July 12, 1920. While discussing a response to it at the Plenum of the Central Committee of the RCP (b) on July 16, V.I. Lenin unexpectedly proposed “to help the proletariat and the working masses of Poland to free themselves from their bourgeoisie and landlords”. In making this decision, Moscow was moving away from the policy of “peace offensive”. Yet, it did so only in the Polish direction.

Keywords: civil war in the USSR, foreign policy, RSFSR, Baltic states, Great Britain, Poland, V.I. Lenin, J. Piłsudski, diplomatic negotiations, Sovietization of Poland.

В конце 1919 г. советское руководство наконец-то могло вздохнуть свободнее. Во-первых, были одержаны решающие победы над армиями Н.Н. Юденича, А.И. Деникина и А.В. Колчака, а переговоры в Микашевичах Ю. Мархлевского, видного деятеля международного коммунистического движения, выступавшего от имени Российского общества Красного Креста, с представителями Ю. Пилсудского привели к прекращению крупных наступательных операций польской армии — правда, без определения сроков этого негласного перемирия¹. Эти перемены вселяли уверенность в скором окончании гражданской войны. С конца 1919 г. первоочередной задачей, стоящей перед страной, ее лидеры стали считать восстановление экономики, прежде всего промышленности и транспорта. 10 января 1920 г. Ленин писал: «Теперь мы счастливо кончаем гражданскую войну. Советская республика укрепляется своими победами над эксплуататорами. Советская республика может и должна сосредоточить отныне свои силы... на войне бескровной, на войне за победу над голодом, холодом, разрухой»². Об изменении приоритетов во внутренней политике РСФСР свидетельствует и преобразование в первой половине апреля 1920 г. Совета рабочей и крестьянской обороны в Совет труда и обороны.

Во-вторых, в ноябре 1919 г. появились некоторые признаки перемен к лучшему в международном положении РСФСР. Для советской стороны первостепенное политическое и экономическое значение в тот момент приобрело налаживание торговли с Западом³. Для скорейшего восстановления экономики в 1920 г. была введена трудовая повинность. Большим резервом рабочей силы являлась армия, но с ее демобилизацией не спешили, поскольку война еще не кончилась, к тому же ей мешало состояние

¹ Советско-польские отношения в 1918—1945 гг. Т. 1. 1918—1926. М., 2017. С. 38.

² Ленин В.И. В бюро женского съезда Петроградской губернии // Полн. собр. соч. Т. 40. М., 1974. С. 50. 27 января 1920 г. он сформулировал эти же мысли следующим образом: «Перед нами задача, касающаяся смены двух полос нашей деятельности. Та полоса, которая целиком была занята войной, еще не кончилась. Целый ряд признаков говорит, что продолжать войну русские капиталисты не смогут. Но что они будут делать попытки нашествия на Россию, — это не подлежит сомнению. И мы должны быть начеку. Но, в общем и целом, та война, которую они обрушили на нас два года тому назад, кончена победоносно, и мы переходим к мирным задачам». — Ленин В.И. Речь на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 27 января 1920 г. Газетный отчет // Там же. Т. 40. С. 78.

³ Из доклада народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина на заседании ВЦИК о внешней политике Советской России [17.II.1920 г.] // Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. III. М., 1965. С. 95.

транспорта⁴. Посему часть вооруженных сил по предложению Л.Д. Троцкого переводили на положение трудовых армий⁵. Но восстановление экономики затруднялось не столько нехваткой рабочих рук, сколько плачевным состоянием парка машин, станков и оборудования, в основном западного производства. Не имея возможности решить эту проблему самостоятельно, Советская Россия была жизненно заинтересована в скорейшем включении в международную торговлю⁶. Германия, до Первой мировой войны один из основных поставщиков станков и промышленного оборудования в Россию, была ограничена Антантой в свободе своих внешнеполитических действий, в том числе на советском направлении. В силу особой вовлеченности Франции в гражданскую войну в России на стороне белых, основным вероятным партнером Москвы мог быть только Лондон, настроенный в тот момент более примирительно, чем Париж⁷.

Стремясь скорее завершить состояние войны, в котором Россия находилась с 1914 г., и исходя из складывавшейся на международной арене ситуации, 5 декабря 1919 г. VII съезд Советов принял подготовленный Лениным проект резолюции, предлагавшей державам Антанты «всем вместе и порознь начать немедленно переговоры о мире»⁸, положив тем самым начало политике так называемого советского «мирного наступления». Нет оснований считать данную политику исключительно тактической уловкой или дипломатической игрой⁹ с целью получения временной передышки и подготовки наступления на польском фронте, чтобы через Польшу, как мечтал В.И. Ленин в феврале 1919 г., «зажженный в России факел всемирной социалистической революции... перенести... в более передовые и вообще во все страны»¹⁰. В действительности в его поведении уже с февраля 1919 г. начинало просматриваться понимание того, что в ближайшее время в Европе революции вряд ли начнется, вследствие чего надо искать возможности для мирного сосуществования с капиталистическим окружением на некую историческую перспективу¹¹. Договоры о мире с соседями должны были сорвать французские планы окружения РСФСР «колючей проволокой» и создать по периметру ее границ своеобразный советский «санитарный кордон» или пояс безопасности, затруднявший западным державам возможность использовать составившие его страны против России.

Одной из приоритетных целей этой политики являлись прибалтийские государства-лимитрофы и ближайшие соседи РСФСР. Первым по времени успехом был мирный договор от 2 февраля 1920 г. с Эстонией, порты которой были нужны для советской морской торговли. В.И. Ленин, оценивая значение Тартуского договора для РСФСР, подчеркнул накануне его подписания, что он «дает нам фактический прорыв блокады,

⁴ «Ради восстановления транспорта мы создаем трудовые армии, одна из которых уже приступила к постройке дороги Александров Гай — Гурьев для подвоза нефти... Демобилизации мешает и разруха транспорта. Поэтому мы употребим армию для восстановления транспорта». — *Ленин В.И.* Речь на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района 24 января 1920 г. Газетный отчет // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 69.

⁵ Там же. С. 567—569.

⁶ 3 февраля 1920 г. заместитель В.И. Ленина в СНК А.И. Рыков говорил на I сессии ВЦИК Советов: «Во время предстоящего товарообмена мы должны брать у Западной Европы в обмен на наше сырье то, что нам нужно... Мы должны получить взамен станки, машины и все, что необходимо для обновления нашей промышленности». — *Известия*. 4. II. 1920.

⁷ Письмо министра иностранных дел Дж. Керзона английскому посланнику в Польше Г. Румбольду о беседе польского министра иностранных дел С. Патека с премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем по поводу предложения Советского правительства Польше начать мирные переговоры [27. I. 1920 г.] // ДМИСПО. Т. II. М., 1964. С. 503.

⁸ 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (5—9 декабря 1919 г. в Москве). М., 1920. С. 46—47.

⁹ *Materski W.* *Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918—1938.* Warszawa, 1994. S. 43, 46.

¹⁰ *Ленин В.И.* Проект программы РКП(б) // Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1969. С. 89.

¹¹ *Матвеев Г.Ф.* «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919—1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Т. 1. М., 2018. С. 416—417.

даже если формальное снятие блокады — один лишь обман»¹². Не случайным было согласие советской стороны на территориальные уступки и уплату Эстонии 15 млн рублей золотом¹³.

Реализуя политику мирного наступления, РСФСР в 1920—1921 гг. заключила договоры о мире не только с Эстонией, но и с Литвой, Латвией, Финляндией, Грузией, Арменией, Персией, Турцией, Афганистаном, пошла на создание Дальневосточной республики. Конечно, при благоприятных условиях Кремль был не прочь распространить советскую власть на сопредельные территории, если только это не грозило полномасштабной войной с Антантой. Но никакой компромисс с белой Россией, как это было в январе 1919 г., был теперь невозможен. Когда в эти месяцы В.И. Ленин говорил о гражданской войне, он всегда имел в виду только победоносное завершение войны с Деникиным, в руках которого еще оставались юг России, Украины и Северный Кавказ¹⁴.

Другим приоритетом стало британское направление. Англичане, проявляя заботу о своих пленных в РСФСР, предложили еще в сентябре 1919 г. начать в Дании переговоры об их возвращении, а также и о судьбе советских военнопленных в Великобритании. О значимости этих переговоров для Москвы свидетельствует назначение советским представителем на них несостоявшегося советского полпреда в Лондоне, члена коллегии НКВД М.М. Литвинова¹⁵. Столь высокий статус представителя свидетельствовал о надеждах Кремля на существенное расширение повестки дня переговоров за счет экономических и, может, даже политических вопросов¹⁶. Расчеты вполне реалистические, особенно что касается торговых отношений. Англичане были заинтересованы в российском продовольствии, советская сторона — в станках и оборудовании для возрождаемой промышленности и транспорта.

20 ноября 1919 г. в «Известиях» была пересказана статья из газеты «L'Humanité», органа французских социалистов, рассказывавшая о «разоблачении» американским дипломатом У. Буллитом обстоятельств появления идеи примирительной конференции на Принцевых островах и причинах ее неудачи, а также о его миссии в Москве в марте 1919 г. и реакции англичан на переданное им согласие В.И. Ленина начать переговоры о путях завершения войны в России. Вряд ли случайно в перепечатке были процитированы слова Д. Ллойд Джорджа генералу Я.Х. Смэтсу после получения советских предложений: «Вот, генерал, документ чрезвычайной важности».

¹² Ленин В.И. Речь на беспартийной конференции рабочих и... // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 68.

¹³ В.И. Ленин, отвечая на вопрос об условиях мира с Эстонией, сказал: «Мы сделали много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, заселенной смешанным — русским и эстонским — населением. Но мы не хотим проливать крови рабочих и красноармейцев ради куска земли», а затем выразил уверенность, что «рабочие... скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир». — Там же. С. 71. Если принять во внимание наличие у советской политики второй приоритетной цели, то это объяснение можно трактовать как просто нежелание публично ее называть.

¹⁴ Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным [28.XII.1919] // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 41.

¹⁵ Все трудности с поездкой М.М. Литвинова удалось преодолеть только в октябре 1919 г. 24 ноября 1919 г. он был уже в Копенгагене. 19 декабря 1919 г. В.И. Ленин с восторгом рассказывал участникам массового митинга об этой поездке: когда Литвинов «находился в Англии послом, то... англичане постарались выслать тов. Литвинова. А теперь эти, ненавидящие всей душой Литвинова, дали ему разрешение проехать в Копенгаген и не только разрешение, а и возможность проезда (тов. Литвинов прибыл туда на английском крейсере)» (в действительности на британском военном-госпитальном судне «Принцесса Маргарита»). — Ленин В.И. Речь на митинге, посвященном годовщине Декабрьского восстания 1905 года, в Пресненском районе 19 декабря 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 30—31.

¹⁶ Г.В. Чичерин в цитированном выше докладе на заседании ВЦИК говорил: «Мы готовы на соглашения, на политическое соглашение мы хотим, ищем политического соглашения, мы признаем, что одно торговое соглашение без политического невозможно». — Из доклада народного комиссара иностранных дел... С. 98.

Знаменательно, что рядом с этой статьей в рубрике «В последнее время» напечатали сообщение о выступлении британского премьера в палате общин накануне, в котором он изложил новый подход Великобритании к гражданской войне в России. Он сказал: «Английское правительство принуждено отказать Деникину и Колчаку во всякой материальной и моральной поддержке», и добавил: «Французское правительство тоже полагает, что невозможно обременять Францию дальнейшими расходами на ведение военных операций в России». Причины поворота Ллойд Джордж объяснил огромными военными долгами, не позволяющими Англии «бесконечно финансировать гражданскую войну в России»¹⁷.

На следующий день сюжет о повороте был дополнен новыми подробностями, взятыми из выступления Ллойд Джорджа: «Хотя Англия и считает долгом чести сдержать данное слово и снабжать восточный фронт военными материалами, но при теперешнем состоянии своего бюджета Англия не может взять на себя обязательство финансировать гражданскую войну в России неопределенно долгое время»¹⁸.

Выступление британского премьера в палате общин сразу же оказалось в центре внимания и главы НКВД Г.В. Чичерина, и В.И. Ленина. 22 ноября 1919 г. Чичерин писал видному советскому дипломату А.А. Иоффе: «Как только я сообщил Владимиру Ильичу о последней речи Ллойд Джорджа, он сказал: надо сейчас же послать по радио интервью о том, что этот поворот дела может принести Англии большие выгоды. Я послал в Ревель большое интервью Рансому и сегодня послал интервью находящемуся там корреспонденту “Дейли экспресс”. В них я указываю на то, насколько противоречива реальным интересам Англии ее зависимость от нелепой узкой политики французских руководящих кругов и насколько соответствует реальным интересам Англии более здравая политика по отношению к нам, и в какой степени необходимо для обеих сторон экономическое сближение с нами. Дойдут ли мои интервью до жителей, я не знаю, но до английских правящих кругов, несомненно, дойдут. Желательно именно развивать мысль о том, что экономическая связь с Англией лежит в интересах обоих. Надо именно указывать англичанам на то, что перемена политики по отношению к нам им выгодна... надо именно указывать, что нам же самим выгодно получать помощь английского капитала и техники, также как им выгодно нам эту помощь оказывать»¹⁹.

Немаловажным для внешнеполитических планов Москвы стала Декларация Верховного совета Антанты от 8 декабря 1919 г. о временных восточных границах Польши²⁰. Хотя державы в тот момент и не определили окончательно польскую восточную границу на территории бывшей Российской империи, но они создали международно-правовой прецедент, к которому позже будут обращаться и сами (июль 1920 г.), и Советская Россия (август–сентябрь 1920 г.), и СССР (сентябрь 1939 г.). Иначе говоря, принятием Декларации они, во-первых, отклоняли польские претензии на границы 1772 г., во-вторых, де-факто оставляли за Россией право на решение вопроса о дальнейшей судьбе украинских, белорусских и литовских земель I Речи Посполитой.

О серьезности намерений правительства Великобритании в отношении РСФСР и желании искать пути к нормализации деловых связей свидетельствовало озвученное в конце декабря 1919 г. намерение снять блокаду с Советской России. 16 января 1920 г. Антанта огласила такое решение, одновременно заявив об установлении контактов с русскими кооперативами, представляющими интересы всего крестьянства России. Кроме того, Лондон и Рим заявили об отказе от вмешательства во внутренние дела РСФСР.

Еще одним красноречивым подтверждением намерения Ллойд Джорджа восстановить экономические связи с красной Россией может служить его беседа с польским

¹⁷ Известия. 19.XI.1919.

¹⁸ Известия. 21.XI.1919.

¹⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. Инв. № 52412. П. 204. Д. 10. Л. 7.

²⁰ Декларация Верховного совета Антанты о временных границах Польши [8.XII.1919 г.] // ДМИСПО. Т. II. С. 431–432.

министром иностранных дел С. Патеком 26 января 1920 г. В ней он без обиняков заявил: «Союзники намерены... восстановить торговые отношения с Россией... отчасти потому, что русские источники продовольствия и сырья необходимы для снабжения Европы и снижения цен. Английское правительство не хочет, чтобы Польша... своими военными действиями способствовала созданию экономического барьера между собой и Россией, в то время, когда союзники стремятся вести широкую торговлю с русскими»²¹.

Подготовкой к торговым переговорам с Англией активно занялось и советское руководство. 30 декабря 1919 г. (а не 11 июня 1920 г., как принято в литературе) был образован Наркомат внешней торговли²², который возглавил Л.Б. Красин. Зная, что британский кабинет не намерен подписывать какие-либо официальные договоры с непризнанным советским правительством, но готов иметь дело с российской кооперацией, Советскую Россию поручили представлять Центросоюзу, имевшему довоенную «родословную» и хорошо известному в Европе, а не подконтрольному большевикам Всероссийскому хозяйственному центру рабочей ветви кооперации (Центросекция) во главе с А.М. Лежавой. Но предварительно руководство Центросоюза подверглось большевизации. 23 декабря 1919 г. А.М. Лежава был назначен председателем его президиума, созданного незадолго до этого решением правительства. В январе состоялось решение о большевизации руководства и нижестоящих органов кооперации²³. Таким образом, на рубеже 1919–1920 гг. Центросоюз был подготовлен к тому, чтобы до установления двусторонних дипломатических отношений стать торговым партнером британского бизнеса.

Выполняя резолюцию VII съезда Советов, советское руководство распространяло свое мирное наступление и на другие страны. Причем всем адресатам предлагались конкретные материальные выгоды в случае заключения мира. Вот как писал об этом Г.В. Чичерин М.М. Литвинову в Данию 27 февраля 1920 г.: «Было крайне важным одновременное появление наших нот Америке и Японии... В ноте Америке мы подчеркивали предстоящую ей гигантскую роль в реконструкции у нас, а в ноте Японии — специальные экономические и торговые интересы на Дальнем Востоке. В ноте к Румынии мы определенно намекнули, что о территориальных вопросах можно столковаться... Нота к Чехословакии старается подвести итог прежней трагедии и поставить крест, открывая перспективы соглашения, выгодного обоим»²⁴.

Общая оценка В.И. Лениным состояния международной ситуации вокруг РСФСР на рубеже 1919–1920 гг. звучала оптимистически: в силу противодействия зарубежного пролетариата и непримиримой конкуренции «большие державы Антанты не могут объединиться для борьбы с Советской властью, так как слишком враждуют друг с другом». Но при этом предостерегал, что расслабляться еще рано, поскольку «у нас есть еще враги, как Польша»²⁵. Из того факта, что в его речи Польша была упомянута дважды и оба раза как враждебное государство, можно сделать вывод, что польское направление советской внешней политики будет наряду с британским и прибалтийским не приоритетным (все же активные военные действия на польско-советском фронте были остановлены на неопределенное время), но важным.

²¹ Письмо министра иностранных дел Дж. Керзона английскому посланнику в Польше Г. Румблду... // ДМИСПО. Т. II. С. 504.

²² АВП РФ. Ф. 69. Оп. 5. П. 8. Д. 25. Л. 11.

²³ 17 или 18 января политбюро ЦК РКП(б) приняло по предложению В.И. Ленина постановление «По вопросу о попытке Антанты начать торговые сношения с Россией при посредстве русской кооперации». В попытке усмотрели «явный расчет использовать кооперативы как аппарат восстановления капитализма» и предписали заинтересованным ведомствам «немедленно разработать меры, обеспечивающие полное овладение нами кооперативным аппаратом, прежде всего во всех тех пунктах, через которые может быть установлен товарообмен (Украина, Дальний Восток)». — Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 53.

²⁴ АВП РФ. Ф. 0168. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 54.

²⁵ Ленин В.И. Речь на беспартийной конференции рабочих и... С. 68–69.

Между российскими и польскими исследователями нет согласия относительно того, как намеревалось действовать советское руководство на польском направлении. Российские историки считают, что Москва и после разгрома Деникина искала мира с Польшей. Современные польские исследователи утверждают, что всю зиму 1920 г. советская сторона готовилась к нападению на польские войска в Белоруссии, а советская так называемая политика «мирного наступления» служила маскировке этой подготовки²⁶.

Почти 10 лет тому назад я уже обращался к анализу советской политики «мирного наступления»²⁷, опираясь главным образом на документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Многие из них затем вошли в состав опубликованного в 2017 г. первого тома сборника документов «Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.». Летом 2020 г. мне посчастливилось познакомиться с другим комплексом документов на ту же тему из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)²⁸. Их ценность особенно велика, поскольку именно ЦК РКП(б), а не командование Западного фронта и М.Н. Тухачевский персонально, как считают польские исследователи²⁹, принимали решения о задачах и целях войны с Польшей.

Выше уже говорилось, что польское направление советской внешней политики относилось советским руководством к разряду важных, но не приоритетных. Прежние советские предложения о мире, делавшиеся в первой половине 1919 г., как и тайная дипломатия второй половины того же года (переговоры Ю. Мархлевского в Беловеже и Микашевичах), результатов не принесли. Пилсудский проигнорировал мирные предложения РСФСР в Микашевичах и тем самым дал понять, что не оставил планов войны с РСФСР за Белоруссию и Украину. Советскому руководству следовало заняться поиском новых путей к миру, тем более в условиях, когда в поведении Антанты просматривалось намерение дистанцироваться от внутрисоветского конфликта. Но при этом советское руководство хотело мирных переговоров не из-за боязни Польши. Конечно, Красная армия не могла похвастаться какими-то победами на польском фронте в 1919 г., поляки потеснили ее и в Белоруссии, и на Украине. Но она и не была разгромлена, и Варшава, несмотря на похвалу Ю. Пилсудского, что «если где-то и когда-то я вас (красных. — Г.М.) не бью, то не потому, что вы этого не хотите, а потому, что этого не хочу я»³⁰, не могла диктовать Москве условия мира. Тем более в условиях однозначного перелома в гражданской войне в пользу Советской России. Мир с Польшей нужен был Советской России для того, чтобы дополнить возникавший на ее западной границе буфер Польшей, которая продемонстрировала в 1919 г. претензии на границы 1772 г. на востоке.

Возобновление советской стороной активных боевых действий на польском фронте помешало бы достижению приоритетных для РСФСР стратегических внешнеполитических целей, прежде всего в отношении Англии, а тем самым и крайне затруднило бы восстановление промышленности и транспорта. Во избежание этого нужен был мир

²⁶ См., например: *Materski W.* Op. cit. S. 43–44; *Nowak A.* Pierwsza zdrada Zachodu. 1920 – zapomniany apseament. Kraków, 2015. S. 134. Вполне уместен вопрос, можно ли надеяться на корректировку этих диаметрально расходящихся оценок. Думается, что сближение возможно только при условии, что историки будут учитывать в своих трудах работы друг друга, а также данные вводимых в оборот новых архивных источников. Это условие *sine qua non*, без соблюдения которого исследователи никогда не преодолеют оценок 1920-х годов, порожденных политическими потребностями того времени, а теперь возведенных в разряд чуть ли не аксиом.

²⁷ *Матвеев Г.Ф.* Польское направление советского мирного наступления. Январь–апрель 1920 года // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага мірнага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. Зборнік навуковых прац III міжнароднай навукова-гэаграфічнай канферэнцыі. Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. Мінск, 2012. С. 63–89.

²⁸ См.: Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. Каталог историко-документальной выставки. М., 2021.

²⁹ *Materski W.* Op. cit. S. 54

³⁰ Цит. по: *Garlicki A.* Józef Piłsudski 1867–1935. Warszawa, 1990. S. 229.

с Польшей. Чтобы получить его, как подсказывал опыт 1919 г., у Кремля оставался только один выход: уступить Польше оккупированные ею в 1919 г. белорусские и украинские территории. Но сделку нужно было оформить соответствующим мирным трактатом. Поскольку в мире была заинтересована не Варшава, а Москва, то она и выступила инициатором мирных переговоров.

Поводом для этого было избрано прозвучавшее 28 ноября 1919 г. в сейме заявление вице-министра иностранных дел Польши В. Сквинынского, что РСФСР никогда не предлагала польскому правительству мира, а оно охотно пошло бы на него, хотя и «не думает, чтобы в данный момент неприятель согласился на условия, соответствующие нашим законным требованиям и постоянно защищаемым нами принципам справедливости и гуманизма»³¹. В Москве слова польского замминистра о «законных требованиях» поняли как намерение Польши получить территориальные приобретения на востоке в пределах границ 1772 г., а также как свидетельство того, что польский МИД не знал о завершавшихся в тот момент тайных советско-польских переговорах в Микашевичах.

Советский ответ на заявление В. Сквинынского последовал 22 декабря 1919 г., уже после окончания переговоров в Микашевичах, не принесших подлинного мира³². В своей ноте Г.В. Чичерин предложил польскому правительству немедленно начать мирные переговоры и выразил уверенность в том, «что всякое разногласие между ними (Польшей и Россией. — Г.М.) может быть устранено дружественным соглашением». Право выбора времени и места переговоров Чичерин предоставлял польской стороне³³. Варшава оказалась в неловком положении. Заключение мира с РСФСР в тот момент не устраивало Ю. Пилсудского. Стратегической целью его восточной политики были не граница 1772 г., а создание буферных государств между Польшей и Россией, в первую очередь из союзной Польше Украины. Но и проигнорировать призыв к переговорам было трудно, потому что не только европейская общественность, но и правительства, например британское, выступали за скорейшее завершение войны³⁴. В этих условиях Варшавой была избрана тактика проволочек, выяснения согласованного мнения держав Антанты по вопросу о мире и т.д.

Не получив ответа на свое предложение, Кремль решил поторопить события. 28 января 1920 г. советское правительство обратилось «к правительству и народу Польши» с изложением основ своей политики на польском направлении³⁵. Обращение подписали В.И. Ленин, Г.В. Чичерин и Л.Д. Троцкий. Еще раз подтвердив признание независимости и суверенности Польской республики, СНК РСФСР торжественно пообещал от себя и от имени Временного правительства Украины не вести боевых действий к западу от установившейся на тот момент линии фронта, заявил об отсутствии у него каких-либо соглашений или договоров с третьими странами, прямо или косвенно направленных против Польши, а также не исключил определенных уступок территориального, экономического и другого характера.

В обращении Совета народных комиссаров РСФСР был впервые за предыдущую историю советско-польских отношений точно определен рубеж (поляки позже назовут его линией Ленина, Ленин называл его линией Пилсудского), который Москва обязывалась не

³¹ Из ответа заместителя министра иностранных дел Польши Вл. Сквинынского на запрос Союза польских социалистических депутатов в сейме по поводу предложения Советского правительства начать мирные переговоры с Польшей // ДМИСПО. Т. II. С. 404. В справке «Основные моменты дипломатических отношений Советской России к Польше», подготовленной в НКВД РСФСР примерно в мае 1920 г., именно это выступление В. Сквинынского названо главной причиной очередной советской мирной инициативы. — АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 2. П. 101. Д. 3. Л. 22.

³² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Инв. № 52414. П. 204. Д. 10. Л. 34.

³³ Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина польскому правительству с предложением немедленно начать мирные переговоры // ДМИСПО. Т. II. С. 446—447.

³⁴ Nowak A. Op. cit. S. 128—129.

³⁵ Обращение СНК РСФСР к правительству и народу Польши с изложением основ политики Советского правительства в отношении Польши // ДМИСПО. Т. II. С. 508—509.

нарушать в случае согласия Варшавы на переговоры. Ответа польской стороны не последовало и на этот раз. Чтобы подтвердить серьезность мирных предложений РСФСР, 2 февраля 1920 г. к польскому народу обратился ВЦИК Советов³⁶. В обращении говорилось, что «ЦИК..., высшее представительство русского трудового народа, повторяет предложение, сделанное Советским правительством польскому народу». Таким образом, в течение нескольких дней предложение о вступлении в мирные переговоры сделали все уполномоченные на это инстанции РСФСР. В.И. Ленин в сентябре 1920 г. так изложил мотивы, по которым советское руководство готово было пойти на невыгодный для советских республик мир: «Мы соглашались заключить мир, считая мирную хозяйственную работу, на которую мы перевели жизнь армии и жизнь десятков тысяч рабочих и крестьян, гораздо выше, чем военными успехами освободить Белоруссию и часть Украины или восточную Галицию»³⁷. Лишь 4 февраля 1919 г. С. Патеk подтвердил получение советского обращения от 28 января и пообещал дать ответ после детального ознакомления с этим документом. Для подготовки ответа польскому правительству понадобились месяц, а также настойчивое требование держав Антанты к Варшаве, прежде всего англичан, сформулировать польские условия мира³⁸.

Исследователи по-разному объясняют, почему Варшава зимой 1920 г. не спешила с ответными предложениями на советские мирные инициативы³⁹, в каждом объяснении есть доля истины, но даже вместе взятые они не создают полной картины. В дополнение к перечню причин можно назвать, например, склонность Пилсудского к решению территориальных споров с соседями силовым путем (Тешинская Силезия, Восточная Галиция, Верхняя Силезия, Виленский край, Белоруссия, Волынь), фактическое неверие в Лигу Наций, статут которой предусматривал защиту своих членов от неспровоцированной

³⁶ Обращение ВЦИК Советов к польскому народу с призывом к польскому народу установить добрососедские отношения между Польшей и Советской Россией // ДМИСПО. Т. II. С. 511–513.

³⁷ Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б) и заключительное слово по итогам обсуждения отчета. 22 сентября 1920 г. Политический отчет // *Ленин В.И.* Неизвестные документы 1891–1922. М., 2000. С. 371.

³⁸ *Materski W.* Op. cit. S. 46–47.

³⁹ П.Н. Ольшанский главной причиной считает проводившуюся в этот момент Польшей подготовку к весенней кампании на востоке с целью вытеснения Советской России за линию границы Речи Посполитой 1772 г. — *Ольшанский П.Н.* Рижский мир. М., 1969. С. 44–46. А. Гарлицкий особый акцент делает на намерении Пилсудского отгородиться от РСФСР поясом из союзных польше независимых государств, т.е. на проводимой им политике, как тогда говорили, «буферизма» или «буферализма». — *Garlicki A.* Op. cit. S. 223–224. Е. Куманецкий дает более пространное объяснение тактики польской стороны, называя и сложную внутривнутриполитическую ситуацию в стране, и военные планы Пилсудского, и отсутствие консолидированной позиции по этому вопросу у великих держав. — *Kumaniecki J.* Pokoj polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985. S. 20–21. В. Матерский декларирует, что советские мирные инициативы конца 1919 — начала 1920 г. были всего лишь дипломатическим прикрытием подготовки Красной армии к наступательным действиям на польском направлении. Пилсудский своевременно разгадал советские агрессивные планы и решил их сорвать превентивным ударом. — *Materski W.* Op. cit. S. 43–45. И.В. Михутина основную вину возлагает на Пилсудского. — *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920. М., 1994. С. 107–112. А. Хвальба ушел от однозначного ответа на этот вопрос, но все же ему пришлось признать, что отказ исходил от польской стороны: «Сегодня трудно однозначно сказать, было ли советское мирное предложение свидетельством искренних намерений Москвы или только дымовой завесой, поскольку оно так и не прошло практической проверки. Его отвергла польская сторона, что предопределила позиция Коменданта (Ю. Пилсудского. — *Г.М.*), который России не доверял и хотел польско-советский спор о том, кто будет хозяином между Бугом, Неманом, Двиной, Березиной и Днепром, решить вооруженным путем». — *Chwalba A.* Przegrane zwycięstwo. Wojna polsko-bolszewicka 1918–1920. Wołowiec, 2020. S. 127. А. Новак объясняет нежелание Пилсудского вступать в мирные переговоры с РСФСР тем, что не получил от Англии и Франции твердого обещания признать эвентуальный мирный договор, оставлявший за Польшей обширные территории на востоке с преобладанием непольского населения. — *Nowak A.* Op. cit. S. 115–135.

агрессии, наконец, боязнь России, которая, несмотря на браваду польских военных и успехи на фронте в 1919 г., существовала и культивировалась польской пропагандой. Сам Пилсудский связывал сроки возобновления войны с приходом весны⁴⁰.

К числу наиболее спорных относится проблема ответственности сторон за возобновление активных боевых действий на советско-польском фронте в апреле 1920 г. Современные польские историки придерживаются мнения, что наступление польской армии на Украине — всего лишь превентивная мера с целью упредить готовившийся советский удар. Поскольку авторы подобного объяснения исходят из априорного утверждения об «империалистической» сущности РСФСР, ответ следует искать не в голословных утверждениях, а в служебной переписке советских лидеров. Давно известна телеграмма В.И. Ленина от 27 февраля 1920 г. Л.Д. Троцкому с предложением безотлагательно приступить к подготовке войны с Польшей, ибо «все признаки говорят, что Польша предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия. Надо все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта. Считал бы необходимыми экстренные меры для быстрого подвоза всего что только можно из Сибири и с Урала на Запфронт. Боюсь, что мы немного поторопились с трудармиями, если их не используем целиком для ускорения подвоза на Запфронт. Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей»⁴¹. Приведенная выше телеграмма вызывает ряд вопросов, которых прежде никто не задавал: 1) если все действия советской дипломатии указывают на желание Москвы заключить мир с Варшавой, то как могло появиться данное распоряжение Ленина, идущее вразрез со стратегической внешнеполитической линией РСФСР? 2) почему Ленин считает необходимым укреплять только Западный фронт? Почему предлагает везти на этот фронт все, что можно, только из Сибири и Урала, но не требует ремилитаризировать трудовую армию, ведь она только что создана и трудармейцы не утратили военных навыков?

Документы РГАСПИ позволяют ответить на некоторые из этих вопросов. 23 февраля на имя председателя Совета рабочей и крестьянской обороны В.И. Ленина поступил затребовавшийся им «краткий доклад РВС Западного фронта об обстановке на Западном фронте и состоянии последнего в связи с возможностью активных операций польских войск». В докладе говорилось, что с конца декабря 1919 г. «соотношение сил польских войск и противостоящих ей войск 16 армии не изменились в нашу пользу, а наоборот — польская армия усилилась прибывшими резервами и перед фронтом 16 армии в пределах ее разграничительной линии... насчитывается польских войск около 31 000 штыков против 6845 штыков и 640 сабель 16 армии. Кроме того, на стыке 16 и 15 армий против левого фланга 15 армии в районе Полоцк-Дрисса насчитывается группа польских войск из частей 1 и 3 дивизий легионеров и 10 пехотной дивизии около 15 000 штыков и 1200 сабель...

Принимая во внимание явное усиление польских сил перед нашим фронтом... можно предполагать, что поляки намерены предпринять или самостоятельную активную операцию, или же во всяком случае сконцентрировали в значительной степени превосходящие нас силы в целях оказания давления на желательный для них исход мирных переговоров, если к таковым они намерены фактически приступить»⁴².

Корреляция распоряжения и записки очевидная. В период с 23 по 27 февраля 1920 г. В.И. Ленин имел заслуживающие доверия сведения о примерно четырехкратном перевесе польских сил в Белоруссии. Не надо было быть военным, чтобы понять: у поляков достаточно сил для наступления на Смоленск, а там и Москва рядом. Мог ли в такой

⁴⁰ Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990. С. 283.

⁴¹ Ленин В.И. Телеграмма Л.Д. Троцкому // Полн. собр. соч. Т. 51. М., 1970. С. 146–147. В.И. Ленин говорил о подготовке РСФСР к возможной войне с Польшей не только в служебной переписке, но и публично. — См., например: Ленин В.И. Доклад на первом Всероссийском съезде трудовых казаков // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 181–182; Его же. Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. // Там же. Т. 40. С. 196.

⁴² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12971. Л. 1–4.

ситуации остаться беспечным любой ответственный политик? Ответ прост: не мог. Так что телеграмма В.И. Ленина от 27 февраля 1920 г. — это приказ не к подготовке наступления на польском фронте, а к такому усилению советской группировки в Белоруссии, чтобы можно было успешно отразить наступление польской армии в направлении Москвы.

Не лучше выглядела ситуация на Юго-Западном фронте. В апрельском наступлении польской армии на Украине было задействовано 45 тыс. штыков и 7 тыс. сабель, а противостояло им 11 тыс. штыков и 1,5 тыс. сабель⁴³. О каких агрессивных планах Кремля можно говорить при таком соотношении сил на польском фронте? Важно и то, что замена командующего советским Западным фронтом В.М. Гиттиса, на долю которого выпало командование отступающей армией, М.Н. Тухачевским произошла только 29 апреля 1920 г. Ему нужно было время, чтобы подготовить фронт к наступлению. Слабость Западного фронта показала неудачная попытка прорыва польского фронта в Белоруссии в мае 1920 г. А ресурс трудовой армии важнее было использовать на восстановлении транспорта, чем на фронте, потому что после побед над белыми польская армия не представляла в глазах руководства РСФСР смертельной опасности⁴⁴.

Весомым доказательством отсутствия у советского руководства плана вторжения в Польшу можно считать письмо Г.В. Чичерина В.И. Ленину от 22 апреля 1920 г., т.е. написанное за три дня до начала польского наступления на Украине. Принимая во внимание важность этого документа, не лишне привести его текст полностью:

«Многоуважаемый Владимир Ильич!

Обращаю Ваше внимание на доклад Польского бюро ЦК РКП от 21 апреля, в котором особо подчеркиваются следующие выводы:

1) Положение требует прежде всего продолжения нашей политики мирных предложений; мы достигнем того, что не только рабочие массы, но даже мелкая буржуазия перестает верить в “захватные стремления большевиков” и начинает относиться скептически к оборонческим лозунгам; надо поддержать это настроение, и для этого необходимо избегать всего, что может в этом отношении повредить.

2) В то же время нужно приложить все усилия, чтобы Красная Армия была на высоте положения. Дальнейший успех польской армии усилит в Польше влияние Пилсудского. Наше частичное успешное наступление поможет разложению польской армии; наоборот, крупное наступление с вторжением в самую Польшу отравит даже значительную часть рабочего класса оборончеством». На этом письме Чичерина помета «Вполне согласен. Троцкий тоже. Ленин»⁴⁵.

Из письма видно, что и 22 апреля 1920 г. у высшего советского руководства не было плана крупной стратегической наступательной операции на Польшу, если только председатель СНК РСФСР, лидер РКП(б) В.И. Ленин и нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики, член Политбюро ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкий не вводили в заблуждение наркома по иностранным делам, члена ЦК РКП(б)

⁴³ *Materski W.* Op. cit. S. 51; Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. 1. М., 1994. С. 59–60.

⁴⁴ В.И. Ленин не раз публично об этом говорил. Так, выступая на съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г., он сказал: «Но если Польша отвечает на наше мирное предложение молчанием, ...если польские империалисты нам грозят, что пойдут войной на Россию, то мы говорим: “Попробуйте! Вы получите такой урок, что не забудете его никогда”». — *Ленин В.И.* Доклад на первом Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 181–182; Спустя пять дней в другой аудитории он снова сказал об этом: «Если, вопреки всем усилиям, империалисты Польши, поддержанные Францией, пойдут против России войной и осуществят свою военную авантюру, то они должны будут получить и получат такой отпор, от которого весь их хрупкий капитализм и империализм рассыплется окончательно». — *Ленин В.И.* Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 196.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.

Г.В. Чичерина. В это верится с трудом, точнее, совсем не верится. При этом не исключалась возможность и уместность наступления в Белоруссии и на Волыни, безоговорочного права на которые поляки, согласно декабрьской 1919 г. декларации держав Антанты, не имели.

25 апреля 1920 г. стремительное наступление польских армий и небольшого украинского контингента С.В. Петлюры под общим командованием Ю. Пилсудского на Украине открыло новый этап в польско-русской войне. Главные силы Красной армии были сосредоточены в Белоруссии, прикрывая кратчайший путь на Москву. Юго-Западный фронт действовал на двух расходящихся направлениях: против войск Врангеля, окопавшихся в Крыму и грозивших оттуда возобновлением полномасштабной гражданской войны в европейской части России, и против поляков. Чтобы сберечь живую силу, советское командование избрало кутузовскую тактику быстрого отступления. 6 мая 1920 г. поляки заняли Киев, оставленный советскими войсками без боя, 8 мая на Крещатике прошел парад польских и петлюровских войск. Майская попытка наступления Красной армии в Белоруссии, как уже упоминалось, провалилась. Польско-советский фронт по линии Березины и Днепра стабилизировался до июня 1920 г., когда прорыв польского фронта 1-й конной армией положил начало наступлению Юго-Западного фронта под командованием А.И. Егорова в направлении Львова. 4 июля войска Западного фронта прорвали польскую оборону в Белоруссии.

И даже в это время советское руководство не отказывалось от мысли об остановке наступления и начале мирных переговоров. Так, 30 июня 1920 г. В.И. Ленин телеграфировал И.В. Сталину: «Мы решили в политбюро вопреки Троцкому и Вашему совету мирное предложение Румынии отклонить, ибо ряд сведений указывает на близкие шаги к миру со стороны Польши»⁴⁶. Т.е. даже тогда, когда военное счастье на Украине оказалось на стороне Красной армии, В.И. Ленин ждал польского предложения о начале мирных переговоров и готов был его рассматривать. И опять возникает вопрос: почему? Представляется, что причина опять-таки в приоритетах. Советская торговая делегация во главе с Л.Б. Красиным не только уже находилась в Лондоне — Д. Ллойд Джордж должен был вот-вот согласиться на ведение политических переговоров.

Линия поведения В.И. Ленина коренным образом изменилась после ноты британского министра иностранных дел лорда Д. Керзона от 11 июля 1920 г. (в Москве ее получили 12 июля), в которой тот по поручению Верховного совета Антанты предложил советскому правительству остановить наступление Красной армии и начать мирные переговоры с Польшей. Керзон также определил приемлемую для западных держав будущую восточную границу Польши, совпадавшую в целом с декабрьской 1919 г. линией Антанты и представлениями Кремля о справедливой границе советских республик с Польшей. Более того, совершенно неожиданно для советского руководства он признал право Советской России на Восточную Галицию, до 1918 г. принадлежавшую Австро-Венгрии, а в 1919 г. захваченную Польшей. Именно в этот момент Ленин вновь вернулся к идее переноса революции за пределы России, но только в Польшу⁴⁷. В пользу того, что отход от политики «мирного наступления» на польском направлении произошел именно в эти дни, говорят заметки члена ЦК РКП(б) Е.А. Преображенского о ходе пленума ЦК 16 июля 1920 г., принявшего по настоянию Ленина постановление о том, чтобы «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их помещиков и капиталистов»⁴⁸. Преображенский записал, что «Бухарчик (Н.И. Бухарин. — Г.М.) давно уже подметил, что Ильич «готовит новую фазу» в мировой политике, и теперь это обнаружилось

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14557. Л. 1.

⁴⁷ Подробнее об обсуждении ноты Керзона и июльском 1920 г. пленуме ЦК РКП(б) см.: Матвеев Г.Ф. Перелом в политике Москвы на польском направлении в июле 1920 года // *Międzycywilizacyjny dialog w świecie słowiańskim w XX i XXI wieku. Historia — religia — kultura — polityka*. Kraków, 2012. S. 235–248.

⁴⁸ Польско-советская война 1919–1920. Ранее не публиковавшиеся документы. Ч. I. М., 1994. С. 142.

вполне очевидно». Кроме того, в выступлении на пленуме Преображенский, в 1918 г. активный сторонник идеи мировой революции, предостерег: «Английские рабочие не переварят скоро изменения нашей тактики. Нам легко повернуть руль, но повернуть миллионы, которых мы приучили к мысли, что ведем лишь оборонительную войну и хотим как можно скорее мира, будет невозможно»⁴⁹. Его слова означали только одно: была некая старая тактика в советской внешней политике, и ею не являлся экспорт революции. И сам Ленин в сентябре 1920 г. определил этот момент как «крупный поворот в истории польской войны»⁵⁰.

Таким образом, архивные документы, достоверно отражающие позиции высших партийных и государственных руководителей РСФСР, свидетельствуют, что по крайней мере с конца 1919 г. и до 16 июля 1920 г. в своей политике на польском направлении они достаточно последовательно придерживались курса на мирное урегулирование конфликта. В том числе были готовы на значительные территориальные уступки Варшаве в Белоруссии и на Украине. Причину их отхода от этого курса в отношении Польши следует искать не в их секретных планах экспорта революции, а в киевской авантюре Ю. Пилсудского. Кстати, именно так оценили ситуацию в польско-советских отношениях после провала польского наступления и лидеры основных польских политических партий. Это по инициативе национальных демократов Ю. Пилсудский в июле 1920 г. лишился монопольного руководства восточной политикой в пользу Совета обороны государства, а также был дезавуирован апрельский 1920 г. польско-украинский политический договор.

Что же касается приоритетных направлений советского мирного наступления, то они не изменились. 12 июля 1920 г. был подписан мирный договор с Литвой, 11 августа — с Латвией, 1 августа в Лондоне начались политические переговоры Д. Ллойд Джорджа с Л.Б. Каменевым.

Библиография

7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (5–9 декабря 1919 г. в Москве). М., 1920.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II–III. М., 1964–1965.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 38. М., 1969; Т. 40. М., 1974; Т. 51. М., 1970.

Ленин В.И. Неизвестные документы 1891–1922. М., 2000.

Матвеев Г.Ф. Перелом в политике Москвы на польском направлении в июле 1920 года // *Miedzyszywilizacyjny dialog w świecie słowiańskim w XX i XXI wieku. Historia – religia – kultura – polityka*. Kraków, 2012. S. 235–248.

Матвеев Г.Ф. Польское направление советского мирного наступления. Январь–апрель 1920 года // *Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага мірнага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст.* Минск, 2012. С. 63–89.

Матвеев Г.Ф. «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // *Столетие Революции 1917 года в России*. Т. 1. М., 2018. С. 414–428.

Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920. М., 1994.

Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990.

Польско-советская война 1919–1920. Ранее не публиковавшиеся документы. Ч. I. М., 1994. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. 1918–1926. М., 2017.

Chwalba A. Przegrane zwycięstwo. Wojna polsko-bolszewicka 1918–1920. Wołowiec, 2020.

Garlicki A. Józef Piłsudski 1867–1935. Warszawa, 1990.

Kumaniecki J. Pokój polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985.

Materski W. Tarza Europa. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1938. Warszawa, 1994.

Nowak A. Pierwsza zdrada Zachodu. 1920 – zapomniany appeasement. Kraków, 2015.

⁴⁹ Польско-советские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 103.

⁵⁰ Ленин В.И. Неизвестные документы... С. 372.

References

7-i Vserossiiskii siezd Sovetov rabochikh, krestianskikh, krasnoarmeiskikh i kazackikh deputatov: stenograficheskii otchet [7th All-Russia Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army's Soldiers' and Cossack's Deputies: the verbatim report]. Moskva, 1920. (In Russ.)

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. T. II—III. [Documents and Papers on the History of Soviet-Polish Relations. Vol. II—III]. Moskva, 1964—1965. (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd. [Complete Works. 5th ed.]. T. 38. Moskva, 1969; T. 40. Moskva, 1974; T. 51. Moskva, 1970. (In Russ.)

Lenin V.I. Neizvestnyie dokumenty 1891—1922 [Unknown Documents 1891—1922]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Matveev G.F. Perelom v politike Moskvy na pol'skom napravlenii v iiule 1920 goda [The Turning Point in Politics in Moscow's Policy towards Poland in July 1920] // Międzycywilizacyjny dialog w świecie słowiańskim w XX i XXI wieku. Historia — religia — kultura — polityka. Kraków, 2012. S. 235—248.

Matveev G.F. Pol'skoie napravlenie sovetskogo mirnogo nastupel'niiia [Polish Direction of Soviet Peaceful Expansion] // Do 90-goddzia pryhatstva Ryzhkaga mirnaga dagavory 1921. Materyaly z gistoryi pol'ska-belaruskikh uzaiemadnosin u XX st. [90th anniversary of Peace of Riga 1921. Papers on the History of Polish-Belorussian Relations in 20th century]. Minsk, 2012. P. 63—89. (In Russ.)

Matveev G.F. "Sovetizatsia Pol'shi" vo vneshnei politike RSFSR v 1919—1920 godakh ["Sovietization of Poland" in the Foreign Policy of RSFSR in 1919—1920] // Stoletie Revoliutsii 1917 goda v Rossii 2018 [100th Anniversary of the Russian Revolution 1917]. Moskva, 2018. P. 414—428. (In Russ.)

Mikhutina I.V. Sovetsko-Pol'skaia voina 1919—1920 [Soviet-Polish War 1919—1920]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Nalencz D. and T. Jozef Pilsudskii: legendy i facty [Jozef Pilsudski: Legends and Facts]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Pol'sko-sovetskaia voina 1919—1920. Raneie ne publikovavshiesia dokumenty. Ch. 1 [Polish-Soviet War 1919—1920. Unpublished Documents. Pt 1]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Sovetsko-pol'skie otnosheniia v 1918—1945 gg. T. 1. 1918—1926 [Soviet-Polish Relations 1918—1945. Vol. 1. 1918—1926]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Chwalba A. Przegrane zwycięstwo. Wojna polsko-bolszewicka 1918—1920. Wołowiec, 2020.

Garlicki A. Józef Piłsudski 1867—1935. Warszawa, 1990.

Kumaniecki J. Pokój polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985.

Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918—1938. Warszawa, 1994.

Nowak A. Pierwsza zdrada Zachodu. 1920 — zapomniany appeasement. Kraków, 2015.